

Оригинальная статья / Original Article

DOI:

Спор между “отцами” и “детьми” в романе Ф. М. Достоевского “Бесы” в историко-литературном и в текстологическом аспектах

© 2021 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

Резюме. В статье предлагается изучение диалога между старшим и младшим поколениями русских людей конца 1860-х годов, лежащего в основании сюжета романа Ф.М. Достоевского “Бесы” в связи конкретными записями споров между “идеалистом” 1840-х годов Степаном Трофимовичем Верховенским (псевдоним “Грановский” в рукописях к роману) и его сыном Петром Степановичем, организатором подпольного революционного кружка в городе N. Исследуется ряд записей, связанных с историей взаимоотношений этих двух персонажей в подготовительных материалах к этому произведению. Критически анализируются версии прочтения, предложенные в Полном собрании сочинений писателя в 30 т. (т. 11, Л., 1974) и более раннем издании тетрадей Достоевского, подготовленном Е.Н. Коншиной (1935 г.). На основе текстологической обработки этих записей предложены новые версии прочтений рукописных текстов, исправляющих ошибки. Проводится исследование особенностей словоупотребления в творческом наследии Достоевского ряда лексем, связанных с рассматриваемыми фрагментами рукописи, анализируются семантика и контекстуальные связи слов и выражений, входящих в круг значений рассматриваемых текстов (“шут”, “тут” и “шум”).

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского”».

Ключевые слова: Роман Ф.М. Достоевского “Бесы”, “Отцы и дети” И.С. Тургенева, Т.Н. Грановский, С.Г. Нечаев, “нигилисты”, текстология, новые прочтения рукописи.

Для цитирования: Баршт К.А. Спор между “отцами” и “детьми” в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” в историко-литературном и текстологическом аспектах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 20–29. DOI:

The Dispute between “Fathers” and “Children” in F.M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed” in Historical, Literary and Textual Aspects

© 2021 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Leading Researcher at the
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Admiral Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article offers a study of the dialogue between the older and younger generations of Russian people of the late 1860^s, which informs the plot of F.M. Dostoevsky’s novel “The Possessed” in connection with factual records of disputes between an “idealist” of the 1840^s – Stepan Trofimovich Verkhovensky (pseudonym “Granovsky” in the manuscripts of the novel) – and his son Pyotr Stepanovich, the organizer of an underground revolutionary circle in the city of N. The article examines a number of records related to the history of the relationship between these two characters in the preparatory materials for the work. The interpretive versions of these texts proposed in the Complete Works of Dostoevsky in 30 volumes (vol. 11, L., 1974) and an earlier edition of Dostoevsky’s notebooks prepared by E.N. Konshina (1935) are critically evaluated. Our scrupulous study of these handwritten texts results in a new textual interpretation correcting previous erroneous readings. The article focuses on the specifics of Dostoevsky’s word usage, particularly on those lexemes from his artistic heritage which are associated with the studied fragments of the manuscript; the semantics and contextual connections of words and expressions invested with meanings within the texts in question (e.g. ‘fool’, ‘here’, and ‘noise’) are analyzed.

Acknowledgements: The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00263 “Integrated automated database ‘United Digital Archive of F.M. Dostoevsky’s manuscripts’”.

Key words: F.M. Dostoevsky’s novel “The Possessed”, “Fathers and Children” by I.S. Turgenev, T.N. Granovsky, S.G. Nechaev, “Nihilists”, textual studies, new readings of the manuscript.

For citation: Barsht, K.A. *Spor mezhdu “otcami” i “detmi” v romane F.M. Dostoevskogo “Besy” v istoriko-literaturnom i tekstologicheskom aspektah* [The Dispute between “Fathers” and “Children” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed” in Historical, Literary and Textual As-pects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 20–29. (In Russ.) DOI:

В записных тетрадях к роману “Бесы” Достоевский, разрабатывая сюжет и корпус персонажей своего произведения, опирался на творческий диалог с И.С. Тургеневым, пытаясь создать полемический ответ на его роман “Отцы и дети” – о либералах-гегельянцах 1840-х годов, во главе с В.Г. Белинским, и их идеологическом потомстве, нигилистах 1860-х, заменивших в своих умах Гегеля на Ч. Дарвина, Г. Бюхнера и Я. Молешотта, о преемственности поколений и непримиримой вражде между ними [1, с. 131–154;]. На фоне развиваемой Достоевским идеологии почвенничества, в основе которой предполагалось установить русскую культуру на традиционную для нее культурную и религиозную почву, одновременно с этим – жизнь каждого человека на базовую основу его реального существования (“вековечный вопрос” о смысле его жизни), и “отцы” с их идеальными оторванными от жизни мечтаниями, и “дети” с их категорическим требованием “все разрушить”, так как любой хаос лучше того, что есть, были, по мнению Достоевского, одинаково далеки от правды и верного пути к преодолению “раскола” в русском обществе, главной беды отечественной истории, согласно мнению писателя. В романе “Бесы” общественно-политический конфликт между “отцами” и “детьми” буквализируется, переносится на уровень семейного

скандала; центром противостояния оказывается семья Верховенских – философ и публицист Степан Трофимович, на первоначальной стадии работы над произведением имевший рабочий псевдоним “Грановский”, в связи с его основным прототипом, историком, профессором Московского университета Т.Н. Грановским (1813–1855) и его сын Петр, обозначенный в рукописях псевдонимами “Студент” или “Нечаев”, в связи с его основным прототипом, С.Г. Нечаевым (1847–1882), руководителем революционного кружка “Народная расправа”) [2, с. 164–184]. Сам писатель считал, что написал нечто вроде историко-политической притчи; окончив свое произведение, он преподнес экземпляр книжного издания наследнику престола А.А. Романову, со словами, проясняющими художественную задачу: “Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. <...> Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни” [3, 29₁, с. 260].

Помимо отца и сына Верховенских, конфликт “отцов” и “детей” в романе “Бесы” реализуется также на уровне противостояния, с одной стороны, Варвары Степановны Ставрогиной, губернатора

фон Лембке и “великого писателя” Кармазинова, с другой – Николая Ставрогина, Липутина, Виргинского, Лямшина, Шигалева и др. “наших”, составляющих круг “новых людей” в городе N. Согласно мысли писателя, русские западники 1840-х годов, во главе с В.Г. Белинским, породили в конечном итоге ужас нигилизма 1860–1870-х, который в следующем поколении, продолжая ту же логику, перешел затем к “внукам”, порождая кровавые революционные события начала XX века, реализующие планы Петра Верховенского и Шигалева, что предвидел и чего опасался Достоевский.

Для писателя этот вопрос был важнейшим в силу того, что увлеченные материалистическими концепциями Бюхнера и Молешотта, теорией эволюции Дарвина, идеями прагматизма и утилитаризма, они “выволакивали на улицу” научные концепции, начиная их эксплуатировать как социально-политическое доктрины и требуя революционных изменений в общественном устройстве. Увлеченность нигилистов идеей “социального дарвинизма”, по Достоевскому, обещала в будущем трагические события в стране, и он решил противостоять этой перспективе с помощью нового романа, названного достаточно прозрачно – “Бесы”.

В этом произведении противостояние между либералами старшего поколения и либералами новой формации проходит одновременно, по двум направлениям: в социальной жизни, когда нигилисты совершают святотатство в церкви или убийства, и на уровне семейном. Петр Степанович Верховенский позиционирует себя как представителя русской секции Интернационала, организует революционную “пятерку”, и идет по стопам своего основного прототипа, Сергея Геннадьевича Нечаева, руководителя подпольной организации “Топор, или Народная расправа”, совершая убийство. В рукописях к роману отец и сын Верховенские постоянно пикируются, обмениваясь колкими репликами: сын с презрением относится к своему отцу, издеваясь над его странным положением “как бы приживальщика” – Степан Трофимович живет на пансион, который ему выделила богатая помещица Варвара Петровна Ставрогина. Следует отметить, что такого рода мезальянсы не были редкостью в России середины XIX века, известны случаи частного спонсорства по отношению к писателям, философам, художникам со стороны богатых сограждан, это в целом не считалось чем-то зазорным.

Однако в среде нигилистов любая попытка обратиться к какому-либо денежному мешку

считалась позором. Превалировала этика заработка своим трудом, и поскольку, как установил в своей на шумевшей книге В.В. Берви-Флеровский, в России “нет пролетариата” [4], двое героев “Бесов”, Кириллов и Шатов, отправились в США, чтобы на собственной шкуре почувствовать, что такое быть поденным рабочим. Положение Степана Трофимовича, которому наряды и даже цвет галстука выбирает Варвара Степановна, выглядит в глазах “Студента” (будущего Петра Верховенского) позором, который не ощущает его отец, но которого стыдится его сын. Следует отметить, что “Студент” ранних редакций “Бесов” существенно отличается от персонажа, в которого он превратился в окончательной версии романа, Петра Степановича Верховенского, “социалиста-мошенника”. Из всех свойств “Студента” в нем осталось одно только качество – беспардонность в оценках, которые он выдает в глаза своим собеседникам, не считаясь ни с правилами вежливости, ни с опасением кого-то обидеть, в то время как честность и прямота первого оказались заменены на хитрость и склонность к интригам второго. Следует отметить, что эта мутация одного из главных героев “Бесов” в его моральной деградации происходила весь 1870 год, от искреннего и честного юноши, без остатка поглощенного социалистической идеологией, к откровенному проходимцу и жулику Петру Верховенскому. Но “студент-нигилист” первых редакций романа являл собой нечто весьма похожее на хорошо известного Достоевскому молодого критика и одного из лидеров “нигилизма” Виктора Петровича Буренина, который издевался над “почвеннической” идеологией Достоевского ничуть не меньше, чем “Студент” над своим отцом [5, с. 112–123].

Одна из причин обращения, казалось бы, безобидной философской мысли в монстра, жаждущего крови, Достоевскому виделась в психологическом отталкивании требовательных молодых людей от кажущейся им затхлой рутинной взглядов предшествующего поколения. Другой причиной такого перехода писатель считал традиционный психологический срыв русского общественного деятеля, стремящегося к “правде”, к грубости и цинизму. В “Дневнике писателя” он так объясняет суть такого рода перемены: «Но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать, “патентованным” проповедником “прекрасного и высокого”, вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить свое мнение в каком-нибудь деле <...> то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завязтого реалиста и прозаика, но даже в циника.

Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подает мнение и сам чуть не шелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стишки; вместо них одна “реальная правда”, но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет ее, в цинизме-то и предполагает ее. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее» [3, 23, с. 64]. В основе этого синдрома, считал Достоевский, лежит свойственное национальной ментальности затаенное “глубоко внутреннее неуважение к себе”, которого не избежал, по мнению писателя, ни один русский человек, включая выдающихся, лучших представителей страны, “таких людей, как Пушкин и Грановский”. [3, 23, с. 64–65] В “Былом и думах” А.И. Герцен уточняет проявление этого синдрома в молодом поколении 1860-х годов: «С одной стороны, реакция против старого, узкого, давившего мира должна была бросить молодое поколение в антагонизм и всяческое отрицание враждебной среды – тут нечего искать ни меры, ни справедливости. Напротив, тут делается назло, тут делается в отместку. “Вы лицемеры – мы будем циниками; вы были нравственны на словах – мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими – мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая, – мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести – мы за честь себе поставим поправление всех приличий и презрение всех *points d’honneur*» [6, с. 351]. Эту же мысль Герцен повторяет в статье “Еще раз о Базарове”, опубликованной в “Полярной звезде” [7, с. 141–160], по его мнению, Д.И. Писарев в Базарове “узнал себя и своих” [7, с. 141]. Основное свойство нигилистов, по Герцену – отсутствие каких-либо “регуляторов” в психической и умственной деятельности: “Впереди никакой высокой цели, в уме никакого высокого помысла и при всем этом силы огромные” [7, с. 143]. Именно Писарев, пишет Герцен, впервые представил “генеалогическое дерево Базарова: Онегины и Печорины родили Рудиных и Бельтовых, Рудины и Бельтовы – Базарова” [7, с. 144]. Писарев, поставив перед собой задачу “проследить <...> историческое происхождение” Базарова, обнаруживает его родственное отношение к предшественникам, “разным Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым и другим литературным типам, в которых, в прошлые десятилетия, молодое поколение узнавало черты своей умственной физиономии” [8, с. 15]. Однако, пишет далее Герцен, если нигилисты узнавали себя в Базарове, то “мы вовсе не узнаем себя в Кирсановых, так как не узнавали себя ни в Маниловых,

ни в Собакевичах, несмотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядом...” [6, с. 146].

Причиной, породившей несколько поколений русских оппозиционеров на протяжении всего XIX века Герцен называет, “канцелярскую форму” существования страны, которая заменяет практические шаги по переустройству жизни на бюрократический бумагообмен, из чего и “развились статская и военная аракчеевщина. Всякое личное индивидуальное проявление, отступление – считалось непокорством и возбуждало преследования и непрерывные придирки” [7, с. 153]. По мнению Герцена, именно правительство с его пристрастием к жесткому и тупому администрированию привело общество к тому, что разные поколения лучших русских людей оказались связаны не нормами христианской этики, а “красными нитками” [7, с. 148]. Таким образом, идея об “отцах и детях” русской политической жизни, центральный сюжетобразующий мотив “Бесов”, принадлежит Д.И. Писареву и А.И. Герцену в не меньшей степени, чем И.С. Тургеневу, которого принято считать основным источником этой мысли, заложенной Достоевским в его роман. “Декабристы – наши великие отцы, Базаровы – наши блудные дети”, – писал один из самых ярких “людей 1840-х годов” А.И. Герцен [7, с. 155], одновременно с этим обвиняя в принадлежности к идеологии нигилизма самого Достоевского: «Когда петрашевцы пошли на каторжную работу за то, что “хотели ниспровергнуть все божеские и человеческие законы и разрушить основы общества”, как говорит сентенция, выкрадывая выражения из инквизиторской записки Липранди¹, – они были нигилистами» [7, с. 159]. Руководствуясь доказанным фактом большого внимания, которое Достоевский уделял “заграничным русским изданиям”, в частности продукции “вольной русской печати” А.И. Герцена [10, 18], можно предположить высокую вероятность знакомства писателя с этой статьей. Возможно, аллюзией на нее является запись в подготовительных материалах к “Бесам”: “Придерживаться более типа Петрашевского”, “Нечаев – отчасти Петрашевский” [3, 11, с. 107, 106].

Работая над статьей для “Дневника писателя”, мысленно возвращаясь к своему герою, Достоевский помечает: “Степан Трофимович. Это было нечто безупречное и прекрасное, о, не без раздраженного

¹ И.П. Липранди (1790–1880) – военный историк, сотрудник тайной полиции, чиновник для особых поручений министра внутренних дел, раскрывал и расследовал деятельность кружка петрашевцев. См. об этом: [9].

самолюбия, разумеется, но у кого из тогдашних русских людей его не было, а у теперешних даже и больше именно от неимения дела” [3, 23, с. 186]. Согласно логике мысли писателя, напряжение “раздраженного самолюбия” нарастает пропорционально удаленности от “дела”, под которым, в рамках разработанной им идеологии “почвенничества”, писатель понимал практическую работу, основанную на заповедях Христа и направленную на благо ближних. Разрабатывая в середине 1870-х годов образ “отца нигилистов”, Достоевский продумывает решение, которое получило свое место в тексте романа “Бесы”: заигрывая с нигилистами на протяжении всего романного действия вплоть до своей катастрофической “лекции”, где Степан Трофимович пытался защищать от улюлюкающей толпы молодежи свои идеалы (Пушкина, Рашель, Рафаэля), он отказывается признать свое “отцовство” над ними: “Сущность Степана Трофимовича в том, что он хоть и пошел на соглашение сначала с новыми идеями, но порвал в негодовании (пошел с котомкой) и один не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру...” [3, 11, с. 176].

В своем романе Достоевский фиксирует губительное влияние бездуховного рационализма на русскую общественную жизнь, в представителях молодого поколения обретающую черты радикализма, граничащего с требованиями пролития крови. Каким образом прекраснодушный “либерал-идеалист” мог породить опасную для страны нечаевщину, писатель объясняет, выводя этот общественный конфликт на уровень отношений представляющих эти общественные явления отца и сына, напряженные диалоги между которыми играют сюжетобразующую роль в романе “Бесы”; они тщательно прорабатывались в рукописях к этому произведению, где временами на задний план уходили смысл и вежливая форма напряженных споров и собеседники переходили на личности. Нелицеприятные обмены репликами между отцом и сыном Верховенскими являются ключевым центром формирования романа “Бесы”. Важно правильно прочитать соответствующие разделы записных тетрадей Достоевского, играющих важную роль в правильном понимании истории создания этого произведения. Неточности были допущены в Полном собрании сочинений писателя в 30 т. (1974 г.) и в более ранней публикации записных тетрадей Е.Н. Коншиной (1935 г.) [11].

В рассматриваемом эпизоде старший и младший Верховенские обсуждают значение идей и творческого наследия Д.И. Писарева, одного

из законодателей мод в среде “нигилистов”. Степан Трофимович, намекая на ничтожность идеологии критика, называет его “маленьким Писаревым”. Заметим, что этой репликой Степана Трофимовича дается отповедь критику “Русского слова” в ответ на его идею о “маленьком Пушкине” в статье “Лирика Пушкина” (из цикла “Пушкин и Белинский”, 1865) [12, с. 1–60]. Оценивая восприятие Пушкина Белинским, Писарев иронизировал над стремлением Белинского ввести Пушкина в круг духовных титанов: Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера. Позже этот эпитет достался и С.Г. Нечаеву, поведение которого на судебном процессе Достоевский оценил словами “маленький-маленький гимназистик” [3, 21, с. 312].

Отвечая на эти слова отца, “Нечаев” говорит: “Почему маленького? <...> он был росту [обыкновенного] вовсе не очень маленького, обыкновенного росту”. “Я не про рост, <...> но он мне показался таким маленьким, одним словом осталось впечатление чего-то маленького...”, — отвечает Степан Трофимович, и далее он получает от сына оскорбление. В прочтении Коншиной: “Ты-то, небось, великан! — Гр. покоробился. Шум. Моп шер, ты бы мог, *вы бы могли выразить* сказать иначе это [иначе]” [11, с. 200]. Значение этого эпизода подчеркивается тем, что в своей тетради Достоевский обращается к нему снова: “— Маленький Писарев. — Почему ты говоришь маленький Писарев? — Писарев был невысокого роста, но и не маленького? — Я сказал: маленький? (как бы сам удивляясь и спохватившись) Не знаю почему у меня вырвалось это слово — но мне кажется это идет к Писареву. Я не про рост, и не про что другое, а как-то мне весь он показался маленьким, все впечатление было чего-то маленького... — Ну уж ты-то [боль] великан, (вдруг проговорил Ст.) — Мне Писарев очень понравился, заметила Княгиня” [11, с. 116].

В записи этого эпизода [11, с. 200] со всей очевидностью логически не стыкуется с контекстом слово “Шум”. Разговор между Степаном Трофимовичем и сыном происходит тет-а-тет, какой-либо одобрительный или негодующий ропот со стороны группы слушающих эту беседу зрителей исключается. Шум технического характера в такого рода эскизах Достоевский никогда не помечал и обычно это делал с более конкретными определениями — например, стук колес проезжающего экипажа, “гудит самопрялка у старой Фроловны” [3, 1, с. 84], в канцелярии, где служит Голядкин, раздается шум “переворачиваемых листов” [3, 1, с.147], в “Селе Степанчикове” вдруг

возникает “шум” и “крик” [3, 3, с. 80], в рукописях к “Бесам” слышен “шум шагов” [3, 12, с. 136]. В записях Достоевского шум возникает, стихает, вызывает удивление, выглядит странно и т.п., но это слово у Достоевского обычно не употребляется в виде назывного предложения: “Шум.” Такого рода конструкция, в виде исключения, возникает один раз, в рукописях к “Преступлению и наказанию”, когда Раскольников, после совершенного им убийства, тревожно вслушивается в возникший шум на улице или на лестнице дома. [3, 7, с. 29].

Чувствуя, что в этой фразе (“Гр. покоробился. Шум. Mon cher, ты бы мог, *вы бы могли выразить сказать иначе это [иначе]*”) слово “Шум” выглядит изолированным от смысла предложения, издатели Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. решили дать этот фрагмент в следующем виде: «Гр <ановский> покоробился: “Mon cher, ты бы мог сказать это иначе”», с подстрочным примечанием комментатора: “Mon cher ∞ это иначе. — *снабжена авторской пометой: Тут.*» [3, 11, с. 171]. Рассмотрение этой версии с безличным предложением, состоящим из наречия “Тут”, порождает большие сомнения. Дело в том, что наречие “тут” не использовалось в рукописях к “Бесам в качестве маркировочного знака, в отличие от знака “Здесь”, которым писатель действительно широко пользовался для обозначения фрагментов текста, предназначенных для их соединения в одно целое [13, с. 10–12]. Наречием “тут” Достоевский часто пользовался для обозначения обстоятельств места или времени событий в своих произведениях. Например, в подготовительных материалах к “Бесам”: “Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, здесь первые сцены из мифологии, его земной рай... Тут жили прекрасные” [3, 11, с. 21]; “Тут на стуле у самой двери лежал сложенный вицмундир”. [3, 11, с. 15], “Тут Красавица заговорила с родителями” [3, 11, с. 83] и т. п. Таких примеров в рукописях к “Бесам” несколько сотен. Случаев, когда это слово употреблялось бы отдельно, в функции безличного предложения, пока обнаружить не удалось.

Новые копии рукописей Ф.М. Достоевского с разрешением 1200 dpi, изготовленные научной группой ИРЛИ РАН в рамках программы “Цифровой архив Ф.М. Достоевского”² позволили со значительной большей точностью прочитать записи в тетрадях Достоевского, в результате чего было сделано полторы сотни исправлений неверно прочитанных или непрочитанных слов

и словосочетаний. В частности, изучение данной реплики Степана Трофимовича дало следующее прочтение: “Гр. покоробился. Шут. Mon cher, ты бы мог, вы бы могли выразить сказать [иначе] это иначе”.

Инерция неверного прочтения слова (“Шум” вместо “Шут”), вероятно, заставила Е.Н. Коншину в подобном же ключе прочитать тематически сходную запись на следующей странице тетради: “За что жалованье получаешь? Шум”. [11, с. 201], оставляя прежние сомнения по поводу природы “шума”, который сопровождал разговор на повышенных тонах между “либералом-идеалистом” и его полностью оторвавшимся от родной “почвы” сыном. Преодолевая эту проблему, издатели текста записных тетрадей Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. решили вопрос, применив метод “колумбова яйца”, просто устранив из рукописи странное, необъяснимое слово. “Нечаев” спрашивает Степана Трофимовича: “Что же ты такое делаешь? За что жалованье получаешь?”, на что “Грановский” отвечает: “Но ты меня оскорбил, я не потерплю”. [3, 11, с. 172]. Убрав из фразы ключевое слово, авторы прочтения лишили диалог смысла — ведь прямого оскорбления в таком прочтении со стороны “Нечаева” Степан Трофимович не получил, только лишь язвительный вопрос. Однако вернувшись к правильному прочтению этой фразы и восстановив утраченное слово, мы получаем точный и ясный смысл: “За что жалованье, шут, получаешь?” — резкий, но справедливый упрек человека, привыкшего зарабатывать на хлеб личным трудом, обращенный к барствующему отцу, живущему у богатой генеральши Ставрогиной в приживалках и, действительно, временами напоминающего собой придворного шута. Такую формулировку Степан Трофимович справедливо считает невыносимой.

Эта ситуация с названием Степана Трофимовича “шутом” настолько важна была Достоевскому, что он возвращается к ней и в третий раз, и вот здесь тонкий и внимательный текстолог Е.Н.Коншина начала сомневаться в трактовке неясного слова “шум”. Она снова воспроизводит это слово, снабжая его вопросительным знаком, показывая свою неуверенность в такого рода прочтении: “Шум (?). — Опомнитесь, что вы говорите!” [11, с. 201]. Избранную текстологическую линию сохраняет и Полное собрание сочинений Достоевского, настаивая на своем прочтении слова (“Тут”): “Тут. — Опомнитесь, что вы говорите!”, в подстрочном примечании указано: «*Текст: Нечаев: “А то что же? со что вы говорите! — снабжен двумя авторскими пометами: Тут»* [3, 11, с. 172].

² См.: <https://dostoevskyarchive.pushdom.ru/>

Верное прочтение слова подтверждается возвращением фразе нормального смысла: “Шут. — Опомнитесь, что вы говорите!”. Добрый и деликатный Степан Трофимович Верховенский в ответ на явную грубость и непочтительность сына не отвечает ему в подобном тоне, но призывает его сохранять уважительную тональность в разговоре с родителем.

Следует отметить, что “Нечаев” (“Студент”, Петр Верховенский) и в других случаях не стесняется употреблять слово “шут” для характеристики презируемых им собеседников. Так, например, когда участники его подпольного кружка просят разъяснить им его полномочия как эмиссара Интернационала (которых и на самом деле не было), он туманно отвечает: “Я подчиняюсь высшим инструкциям”. Липутин резонно интересуется, “какие это инструкции”, на что “Нечаев” отвечает оскорблением, задача которого — оборвать разговор и тем самым избавиться от необходимости ответа на прямой вопрос: “Кабы вы не такой шут и если б хоть каплю умнее, то я...” [3, 11, с. 290]. Сообщить самому “Нечаеву” “шутовские черты” Достоевский планировал во 2 части своего романа “Бесы” [3, 11, с. 264]. Это обидное слово слышит в своей адрес романтически настроенный наивный капитан Картузов в набросках к одноименному произведению: “Да они вас за шута считают”, на что тот отвечает: “Шуты и считают” [3, 11, с. 47]. “Шутом” стремится представить Картузова “Граф”; однако реплика повествователя поясняет, что тот “хоть и смешон <...>, но держит себя так просто и с таким достоинством, что Граф никак не может обратить его в шута (что бы желал)”. [3, 11, с. 56]. Слово “шут” употребляет также губернатор Андрей Антонович фон Лембке по отношению к одному шалуни, молодому человеку, который на литературном вечере несколько раз возникал перед идущим по залу губернатором и кланялся ему в пояс: “всё забегал вперед и в каждой дверях отвешивал Андрею Антоновичу глубокий и важный поклон”. Обратив на него внимание, фон Лембке произнес: “Конечно, это был только шут — еще молодой человек, известный кой-кому в городе...” [3, 11, с. 392].

Прием представления героя в шутовском облике — один из наиболее часто употребляемых в творческом арсенале Достоевского. В настоящему момент существует немало ценных исследований этой темы, в которых отмечен ряд специфических черт, отличающих “шуты” Достоевского, выработан ряд трактовок иронии, сарказма, сатиры, смеховой культуры в произведениях Достоевского.

Согласно мнению А.Е. Кунильского, Достоевский “позитивно оценивал смех и не считал его несовместимым с христианской традицией” [14, с. 78]. Н.М. Чирков обнаружил в поэтике Достоевского прием формирования “грубого буффонного комизма, шутовства и паясничания” [15, с. 173]. Вне сомнений, такого рода сцен в романе “Бесы” немало, например, посещение капитаном Лебядкиным Варвары Петровны Ставрогинной с чтением басни “Таракан”, его неожиданный визит к Шатову и др. Н.М. Чирков обнаруживает у Достоевского также особый жанр “романа-комедии”; таковы, по его мнению, “Село Степанчиково” и “Дядюшкин сон”, произведения, с которыми Достоевский возвращался в литературу после ссылки в Сибири. Исследователь отмечает также особое значение у Достоевского характера шута-приживальщика, который “прочно войдет в цепь создаваемых им образов” [15, с. 229], разумеется, оттенок этого амплуа распространяется и на Степана Трофимовича Верховенского. Однако, каким жестким осмеянием не подвергался бы человек в романах писателя, ирония имеет смысловую сердцевину безграничной любви, которая лишает силы жесткое “судебное отношение” к человеку, как сказал бы М.М. Бахтин. Эту тему развивает в своей работе И.И. Лапшин [16, с. 101–120]. Об органической связи трагического и комического в характерах героев Достоевского писал также Р.Г. Назиров [17, с. 46–55]. Во всех случаях шутовство и паясничание в произведениях Достоевского, начиная с героев ранних произведений писателя (Ежевиков, Ползунков и др.) и кончая буффонадой Федора Павловича Карамазова, охотно называющего себя “шутом”, не является самоцелью, но лишь средством обнажения глубоких экзистенциальных проблем, терзающих его героев, с возникновением эффекта “трагической иронии”.

Следует отметить, что добросердечные “шуты” Достоевского с самого начала его творчества балансировали на тонкой грани, отделяющей комедию от трагедии. Трагическая фигура героя его первого романа “Бедные люди” Макара Девушкина не лишена комических черт, в том числе, и многочисленных актов самоиронии. В той же тональности “смеха сквозь слезы” изображен герой его второго произведения Голядкин (“Двойник”), в квартире которого висит “гравированный портрет шута Балакирева” [3, 1, с. 394], любимого слуги Петра I и, далее, Анны Иоанновны. Достоевский мог знать о нем из популярного издания К.А. Полевого [18]. Роль “шута” как личную трагедию переживает герой-повествователь “Игрока”, также поминая в связи со своей судьбой шута Балакирева [3, 5, с. 286]. И уже совсем не располагает к смеху главный герой

рассказа “Господин Прохарчин”, несмотря на обыгрывание темы “шутки” и “шутовского человека” в произведении [3, 1, с. 253]. В “Селе Степанчиково” Ежевикин призывает окружающих к уважению его личности: “А вы меня уважайте: я еще не такой подлец, как вы думаете. Оно, впрочем, пожалуй, и шут. Я — раб, моя жена — рабыня. <...> Фортуна заела, благодетель, оттого я и шут” [3, 2, с. 51]. Шутовской колпак примерял Достоевский и на героев “Преступления наказания”, говоря о “буффоне” и помяная имя Полишинеля [3, 7, с. 269]. В романе “Идиот” в роли записного шута выступают сразу два героя: генерал Иволгин и Фердыщенко, который назван в романе “сальным шутом” [3, 8, с. 31, 39]. В рассказе “Вечный муж”, который писатель окончил непосредственно перед началом “Бесов”, Вельчанинов многократно возвращается к мысли о том, можно ли трактовать Трусозкого как “шута” [3, 9, с. 22, 40, 49, 51, 58, 70]. В романе “Бесы” также развивается эта тема: Степан Трофимович упоминает “православного шута с бородой” [3, 10, с. 24]; Лямшина в кружке “наших” называют “шутом” за намерение уничтожить “девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться” [3, 10, с. 312]; “шутом” называет Петра Верховенского, наставившего на него револьвер, Ставрогин [3, 10, с. 408].

В “Братьях Карамазовых” этой теме посвящена целая глава (“Старый шут”) [3, 14, с. 36–43] в которой дан образец нарочито непотребного поведения и авторский анализ сущности этого демарша. В этом описании выступают все известные детали ампула: он “был у дворян приживальщиком и приживанием хлеб добывал”, сравнение себя с “юродивым”, стремление “нечистым духом своим” “в Бога веровать”, и что он “от стыда шут”, и, одновременно, “рыцарь” [3, 14, с. 39, 41, 86]. Отсутствие какой-либо настоящей веселости в “шутовстве” героев Достоевского убедительно объясняет Федор Павлович: “Мне всё так и кажется <...> что меня за шута принимают, так вот давай же я и в самом деле буду шутом, не боюсь ваших мнений! Вот почему я и шут, по злобе, от мнительности” [3, 14, с. 41]. В разных контекстах слово “Шут!” вырывается из уст героев “Братьев Карамазовых” как своего рода психологическое решение разнообразных психологических коллизий [3, 14, с. 184; 15, 80]. Отвечая на вопрос Коли Красоткина о природе такого рода шутовства, какое присутствует в капитане Снегиреве, Алеша объясняет: “Есть люди глубоко чувствующие, но как-то придавленные. Шутовство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними. Поверьте, Красоткин, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично” [3, 14, с. 483],

Баланс комического и трагического присутствует во множестве других сюжетных событий в романах Достоевского. Например, внешне “комическая” смерть генерала Иволгина, где он испускает дух в облаке пышных цитат из произведений классической драматургии [19, с. 217–232]. Даже в старом князе из “Дядюшкиного сна” и в Фоме Опискине из “Села Степанчиково”, казалось бы, определено комических произведений, смеховое начало выглядит легким покрывалом, за которым скрывается подлинная человеческая трагедия. Настоящим утверждением этого сочетания трагической иронии и комической серьезности стали “Записки из подполья”, в которых стилевое шутовство повествователя функционирует как кардинальное средство освобождения от культурных штампов, социально-этической рутины, в роли своего рода фактора свободы, установления интимного доверия к адресату. Достоевский использовал этот метод при строительстве характера Степана Трофимовича Верховенского — многочисленные шутки в его адрес в определенный момент заставляют читателя устыдиться своих улыбок, когда в финале романа герой, обретший истину за несколько часов до смерти, являет нам настоящую трагедию человеческого существования. Через три года, работая над статьей для “Дневника писателя”, Достоевский записал: “Древняя трагедия — богослужение, а Шекспир отчаяние. Что отчаяннее Дон-Кихота” [3, 24, с. 160]. Любимое произведение мировой литературы, “Дон-Кихот” М. Сервантеса, формирует близкую мировоззрению писателя конструкцию: образцовый шут с точки зрения обывателя и философ глубокой и искренней идеи изнутри его существа, “один из самых великих сердцем людей”, как определил это сам Достоевский [3, 26, с. 24]. Роман Сервантеса, задуманный автором как пародия на рыцарский роман, Достоевский считал “самой грустной из книг” [3, 26, с. 25]. Герой-философ писателя пребывает в состоянии отчаяния, либо отложенного до времени (Степан Трофимович, Николай Ставрогин), либо уже наступившего (Кириллов). Достоевский полностью отдавал себе в этом отчет, создавая такое сочетание “шутовского” и “трагически-серьезного”: “НВ. Алеко. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагедии? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира — две сестры и идут рядом и имя им обеим, вместе взятым: правда”. [3, 24, с. 305]. Писателя на протяжении всей жизни интересовали люди, выбивающиеся из обыденной колеи, совершающие необычные, пусть иногда и неловкие, смешные и нелепые поступки.

Постоянные колебания между этически противоположными точками отсчета личностной оценки (“я-для-себя” и “я-для-тебя” [20, с. 130–134]), порождающие комическое (с одной стороны) и трагическое (с противоположной) суждения, являются в творчестве Достоевского мощным фактором порождения сюжетных событий, который эффективно работал в его произведениях на протяжении всей жизни писателя. “Шуты” и “юродивые”, “еретики” и “чудаки”, все, кто не смиряется с расхожей моделью “жизни в свое пузо” [3, 27, с. 51], кто стремится покинуть найденные тропы, – соль земли русской, по Достоевскому, который не раз говорил, что стране для выхода из состояния застоя остро не хватает донкихотов. Не исключением является и Степан Трофимович Верховенский в романе “Бесы”, “шут” в глазах его сына и других “наших” и, одновременно, человек с большим сердцем и незаурядным умом, способный к “самоисправлению”, пусть и пришедшему к нему столь трагически поздно. Как и в других подобных случаях, с героя Достоевского легко слетает шутовской флер, когда он при встрече со странствующей книгоношей принимает в свою душу “Откровение” Иоанна Богослова. Обвинение, выдвинутое Петром Степановичем Верховенским в том, что его отец ведет образ жизни шута-приживальщика, снимается, когда он покидает дом генеральши Ставрогиной и пускается в путь, подобно “бегунам” из старообрядцев беспоповского чина, где ему суждено было познакомиться со Словом Божиим. В этом смысле С.Т. Верховенский отчасти воспроизводит общую линию сюжета задуманной непосредственно перед “Бесами” эпопеи “Житие великого грешника”, где писатель намеревался показать, как мечущийся в поисках истины, совершающий множество ошибок человек обретает ее в конце своего пути – итог и результат осуществления своей судьбы, согласно указанному в разговоре “Князя” и Шатова принципу, выдвинутому в подготовительных материалах к “Бесам”: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: “Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает»» [3, 11, с.184]. Это цитата из “Лествицы”, где Иоанн Лествичник воспроизводит мысль архидиакона Македония: “Ангелам <...> свойственно не падать, <...> людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, <...> только бесам свойственно, падши, никогда

не восставать”³. В своем романе “Бесы”, в шутовском образе жизни своего идеального мыслителя 1840-х годов и его последующем драматичном предсмертном прикосновении к Истине Достоевский использовал сюжетную линию неосуществленного романа “Житие великого грешника”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батюто А.И.* Идеи и образы (к проблеме “И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский в 1860–1870-е годы”) // Русская литература. 1982. № 1. С. 131–154.
2. *Буданова Н.Ф.* Проблема “отцов” и “детей” в романе “Бесы” // Достоевский. Материалы и исследования. Т. I. Л., 1974. С. 164–184.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990 (с указанием номера тома арабскими цифрами).
4. *Берви-Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. СПб., 1869.
5. *Баршт К.А.* Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе “Преступление и наказание” // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123
6. *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 11. М., 1957.
7. *Герцен А.И.* Еще раз о Базарове // Полярная звезда. 1868. Кн. 8. С. 141–160.
8. *Писарев Д.И.* Базаров // Писарев Д.И. Сочинения в 4 т., Т. 2. М., 1955.
9. *Егоров Б.Ф.* Петрашевцы. Л., 1988.
10. *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
11. Записные тетради Ф.М. Достоевского, публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3). Подготовка к печати Е.Н. Коншиной. Комментарии Н.И. Игнатовой, Е.Н. Коншиной. М.–Л., 1935.
12. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // Русское слово. 1865. Кн. 4. Литературное обозрение. С. 1–68; Кн. 6. С. 1–60.
13. *Баршт К.А.* Рисунки в рукописях Ф.М. Достоевского. СПб., 1996.
14. *Кунильский А.Е.* Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994.
15. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. М., 1967.
16. *Лапшин И.* Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском. Сб. ст. Под ред. А.Л. Бема. Paris, 1986. 101–120.

³ Иоанн Лествичник. Слово 31 // Иоанн Лествичник. Лествица. М., 2009. С. 28.

17. Назиров Р.Г. Юмор Достоевского // Русская литература 1870–1890-х гг. Сб. 10. Свердловск, 1977. С. 46–55.
18. Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I. Ч. 1–4. М., 1836.
19. Баршт К.А. Смерть и “позор” генерала Иволгина в романе Ф.М. Достоевского “Идиот” // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 217–232.
20. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М., 2003.
10. Grossman, L.P. *Biblioteka Dostoevskogo* [Dostoevsky's Library]. Odessa, 1919. (In Russ.)
11. *Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo, publikuemye Centralnym arhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoj bibliotekoj SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3). Podgotovka k pechati E.N. Konshinoj. Kommentarii N.I. Ignatovoj, E.N. Konshinoj* [Notebooks of F.M. Dostoevsky Published by the Central Archival Administration of the USSR (Notebooks No. 1 and 4) and the Lenin Public Library of the USSR (Notebooks No. 2 and 3). Preparation for Printing by E.N. Konshina. Comments by N.I. Ignatova, E.N. Konshina]. Moscow, Leningrad, 1935. (In Russ.)

REFERENCES

1. Batjuto, A.I. *Idei i obrazy (k probleme “I.S. Turgenev i F.M. Dostoevskij v 1860–1870-e gody”)* [Ideas and Images (on the Problem of “I.S. Turgenev and F.M. Dostoevsky in the 1860s–1870s”)]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1982, No. 1, pp. 131–154. (In Russ.)
2. Budanova, N.F. *Problema “otcov” i “detej” v romane “Besy”* [The Problem of “Fathers” and “Children” in the novel “The Possessed”]. *Dostoevsky. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. I. Leningrad, 1974, pp. 164–184. (In Russ.)
3. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
4. Bervi-Flerovskiy, N. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii. Nabljudeniya i issledovanija* [The Situation of the Working Class in Russia. Observations and Research]. St. Petersburg, 1869. (In Russ.)
5. Barsht, K.A. *Filosofskoe jesse V.P. Burenina i statja Rodiona Raskolnikova v romane “Prestuplenie i nakanazanie”* [V.P. Burenin's Philosophical Essay and Rodion Raskolnikov's Article in the Novel “Crime and Punishment”]. *Voprosy filosofii* [Topics in the Study of Philosophy]. 2017, No. 5, pp. 112–123. (In Russ.)
6. Herzen, A.I. *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. Herzen, A.I. *Polnoe sobranie sochinenij in 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Vol. 11. Moscow, 1957. (In Russ.)
7. Herzen, A.I. *Eshhe raz o Bazarove* [Once again about Bazarov]. *Poljarnaja zvezda* [Polar Star]. 1868, Part 8, pp. 141–160. (In Russ.)
8. Pisarev, D.I. *Bazarov* [Bazarov]. Pisarev, D.I. *Sochinenija in 4 t.* [Works in 4 Vols.]. Vol. 2. Moscow, 1955. (In Russ.)
9. Egorov, B.F. *Petrashevey* [Petrashevsky Circle]. Leningrad, 1988. (In Russ.)
12. Pisarev, D.I. *Pushkin i Belinskij* [Pushkin and Belinsky]. *Russkoe slovo* [Russian Word]. 1865, Part. 4. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. Pp. 1–68; Part. 6, pp. 1–60. (In Russ.)
13. Barsht, K.A. *Risunki v rukopisjah F.M. Dostoevskogo* [Drawings in the Manuscripts of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)
14. Kunilskiy, A.E. *Smeh v mire Dostoevskogo* [Laugh in the Dostoevsky's World]. Petrozavodsk, 1994. (In Russ.)
15. Chirkov, N.M. *O stile Dostoevskogo* [On the Style of Dostoevskiy]. Moscow, 1967. (In Russ.)
16. Lapshin, I. *Komiceskoe v proizvedenijah Dostoevskogo* [The Comic in Dostoevsky's Works]. *O Dostoevskom. Sb. st. Pod red. A.L. Bem* [About Dostoevsky. Collection of articles. Edited by A.L. Boehm]. Paris, 1986. P. 101–120. (In Russ.)
17. Nazirov, R.G. *Jumor Dostoevskogo* [Dostoevsky's Humor]. *Russkaja literatura 1870–1890-h gg.* [Russian Literature of the 1870s–1890s]. Vol. 10. Sverdlovsk, 1977, pp. 46–55. (In Russ.)
18. *Polnye izbrannye anekdoty o pridvornom shute Balakireve, ljubimce Petra I* [Complete Selected Anecdotes about the Court Jester Balakirev, Pet of Peter the First]. Part. 1–4. Moscow, 1836. (In Russ.)
19. Barsht, K.A. *Smert i “pozor” generala Ivolgina v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [The Death and “Shame” of General Ivolgin in F.M. Dostoevsky's novel “The Idiot”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2020, No. 4, pp. 217–232. (In Russ.)
20. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Collected Works in 7 Vols.]. Vol. 1. Moscow, 2003. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 августа 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on June 24, 2021

Revised on August 27, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021